

ДНЕВНИКЪ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТА.

П 9230

Г. В. Плеханова.

ВЫХОДИТЪ НЕПЕРІОДИЧЕСКИ.

№ 3

Ноябрь 1905 г.

№ 3

Наше положеніе.

Дѣло политической свободы не сегодня-завтра восторжествуетъ на нашей родинѣ; въ этомъ теперь нельзя уже сомнѣваться; въ этомъ можно быть увѣреннымъ, не грѣша утопическимъ оптимизмомъ, и этой отрадной увѣренности мы обязаны героическому пролетаріату нашей страны. Тѣ уступки, которыя дѣлаетъ теперь правительство такъ называемому общественному мнѣнію Россіи, представляютъ собою первую политическую побѣду русскаго пролетаріата.

Для насъ, социальдемократовъ, въ этой побѣдѣ нѣтъ рѣшительно ничего неожиданнаго. Мы давно уже предвидѣли; мы давно уже предсказывали ее. Когда, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, реакція на голову разбила тогдашнюю революціонную партію, знаменитую партію „Народной Воли“, и когда противники царизма смущенно спрашивали себя: „что же теперь дѣлать“? мы съ непоколебимой увѣренностью указали на пролетаріатъ, какъ на единственную у насъ общественную силу, способную положить конецъ торжествующей реакціи. Программа первой русской социальдемократической группы, „Группы Освобожденіе Труда“, гласить, что низверженіе царизма должно быть первымъ крупнымъ шагомъ рабочаго движенія въ Россіи. Въ духъ этой программы я, въ одномъ изъ первыхъ своихъ сочиненій, говорилъ, повторяя слова Маркса, сказанныя, конечно, по другому поводу, что разъ проникнетъ социальдемократическая мысль въ ряды пролетаріата, разъ начнется рабочее движеніе въ современномъ т. е. революціонномъ смыслѣ этого слова, то оно разрушитъ тнилое зданіе царизма, какъ землетрясеніе разрушаетъ какой нибудь курятникъ. И совершенно въ такомъ же духѣ, я сказалъ на парижскомъ международномъ конгрессѣ 1889 года, что революціонное движеніе въ Россіи восторжествуетъ, какъ движеніе рабочихъ, или совѣмъ не восторжествуетъ.

Та или другая часть моихъ товарищей не рѣдко расходилась со мной по поводу того или другаго частнаго вопроса, но по поводу этой мысли, со мной не расходился никто изъ русскихъ социальдемократовъ. Она всегда составляла основу нашего политическаго символа вѣры. И именно потому, что она составляла основу нашего политическаго символа вѣры, насъ обвиняли въ узкости, въ догматизмѣ и въ бессердечіи; намъ говорили, что мы избрали

слишкомъ медленный путь. Но жизнь шла своимъ неотвратимымъ ходомъ, и не успѣли еще замолкнуть жестокия обвиненія, раздававшіяся противъ насъ, какъ всѣмъ или почти всѣмъ, — слѣдующее никогда и нигдѣ не переведется, — стало очевидно, что если можетъ быть у насъ, разноплеменныхъ дѣтей Россіи, надежда на завоеваніе свободныхъ политическихъ учрежденій, то эта надежда должна основываться на ростѣ освободительнаго движенія нашего пролетаріата. Теперь эта надежда оправдалась, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени. Нашъ непріятель еще далеко не совсемъ побѣжденъ; но онъ уже отступаетъ; разстройство уже проникло въ его ряды, и поле битвы, — той битвы, за ходомъ которой съ замираніемъ сердца слѣдилъ весь цивилизованный міръ, — осталось за пролетаріатомъ. Это огромная политическая побѣда, это событие еще небывалое въ исторіи Россіи.

Но замѣтите, читатель, — я надѣюсь, что я, „узкій“ марксистъ имѣю право прибавить это съ законной гордостью, — эта огромная, политическая побѣда является въ то же время торжествомъ нашего теоретическаго метода, потому что именно этотъ методъ далъ намъ возможность задолго предвидѣть то, что теперь произошло у насъ на родинѣ. Товарищи-практики, не пренебрегайте нашей теоріей, ибо она есть незамѣнимое средство практическихъ успѣховъ!

Я сказалъ, что за ходомъ битвы нашего пролетаріата съ царизмомъ внимательно слѣдилъ весь цивилизованный міръ. Это въ самомъ дѣлѣ было такъ, и это было такъ по двумъ весьма серьезнымъ причинамъ. Во первыхъ, нашъ царизмъ, издавна игравшій роль всеевропейскаго жандарма, издавна былъ ненавистенъ всѣмъ мало-мальски прогрессивнымъ слоямъ населенія въ цивилизованныхъ странахъ. Во-вторыхъ, внимательное отношеніе къ происходившей у насъ борьбѣ поддерживалась еще тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что эта борьба велась именно пролетаріатомъ. По прекрасному выраженію „Манифеста Коммунистической Партіи“, пролетаріатъ не можетъ выпрямиться, не можетъ пошевелиться безъ того, чтобы не затрещала вся возвышающаяся на его спинѣ надстройка. Буржуазія прекрасно это поняла, и потому каждый разъ, когда пролетаріатъ разгибаетъ свою согнутую спину, — хотя бы онъ дѣлалъ это не для непосредственной борьбы съ нею, а для борьбы съ тѣми, чье господство противорѣчитъ ея собственнымъ интересамъ, — она опасается, что онъ выпрямится слишкомъ сильно. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ.

Для борьбы съ царизмомъ нашъ пролетаріатъ обратился ко всеобщей политической стачкѣ, т. е. какъ разъ тому средству борьбы, на которое современный западный пролетаріатъ смотритъ, какъ на самое дѣйствительное, — при настоящихъ условіяхъ, — средство своей освободительной борьбы съ буржуазіей. Всеобщая стачка примѣнялась уже и въ западной Европѣ: въ Бельгіи, въ Голландіи, въ Швеціи, въ Италіи. Но въ Швеціи и въ Италіи она была примѣнена скорѣе въ смыслѣ демонстраціи, чѣмъ въ смыслѣ рѣшительнаго нападенія, а въ Бельгіи и въ Голландіи она дала отрицательные результаты. Правда, въ 1893 г. бельгійскій пролетаріатъ завоевалъ себѣ съ помощью всеобщей стачки избирательное право. Но сами наши бельгійскіе товарищи признаютъ, что руководимый ими рабочій классъ побѣдилъ тогда, главнымъ образомъ, благодаря тому, что буржуазія была застигнута врасплохъ. Въ 1902 г., когда бельгійскіе пролетаріи, недовольные по-

литической уступкой, которую они получили за девять лѣтъ до того отъ буржуазіи, снова прибѣгли ко всеобщей стачкѣ для завоеванія всеобщаго и равнаго избирательнаго права, буржуазія была готова къ отпору и стѣмѣла удержаться на своей консервативной позиціи. Голландская всеобщая стачка 5-10 апрѣля 1903 окончилась еще болѣе рѣшительной неудачей. Вотъ почему всеобщая стачка, которая началась въ Россіи по почину московскихъ рабочихъ, въ короткое время раскинувшаяся до нашей западной границѣ, съ одной стороны, и до Сибири и Туркестана съ другой, и принявшая рѣшительно небывалые размѣры, эта грандіознѣйшая стачка имѣла значеніе въ высшей степени важнаго соціально-политическаго опыта. Этотъ опытъ, — опытъ борьбы пролетаріата съ правительствомъ, которое не привыкло уступать и которое имѣло время подготовиться къ отпору, — долженъ былъ послужить положительнымъ или отрицательнымъ доводомъ въ спорѣ, происходившемъ между соціалъ-демократами всего міра по вопросу о всеобщей политической стачкѣ. И чѣмъ болѣе распространялась наша всеобщая стачка, чѣмъ болѣе останавливала она всѣ отправления общественной жизни, чѣмъ яснѣе доказывала она страшную революціонную мощь пролетаріата, тѣмъ сомнительнѣе покачивала головою даже та часть западно-европейской буржуазіи, которая отъ всей души желала торжества политической свободы въ Россіи. А что касается болѣе консервативной части этой буржуазіи, то она скоро утратила всякое сочувствіе къ нашей „анархіи“. Нѣсколько недѣль тому назадъ одинъ изъ органовъ этой буржуазіи называлъ нашу будто-бы анархію великимъ несчастьемъ для всего цивилизованнаго міра. Если мы встанемъ на точку зрѣнія этого органа, то мы должны будемъ признать, что наша всеобщая стачка въ самомъ дѣлѣ была большимъ несчастьемъ для консервативной буржуазіи. Она воочію показала все колоссальное значеніе пролетаріата въ современной общественной жизни и она прибавила новый запасъ гордой самоувѣренности въ сердцахъ пролетаріевъ всѣхъ странъ. Въ такихъ гигантскихъ размѣрахъ, какъ у насъ, и съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, какъ въ Россіи, всеобщая политическая стачка еще нигдѣ не практиковалась. Самоотверженно борясь съ царизмомъ, російскій пролетаріатъ въ то же время прокладывалъ путь для соціалистической революціи всемірнаго пролетаріата. Вотъ почему консервативная буржуазія видѣла несчастье въ его возрастающемъ успѣхѣ, и вотъ почему международный пролетаріатъ приветствовалъ этотъ возрастающій успѣхъ съ такимъ восторженнымъ сочувствіемъ.

Здѣсь мнѣ вспоминается одинъ непріятный эпизодъ, имѣвшій мѣсто на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Амстердамѣ. Когда сторонники такъ называемой новой методы въ социализмѣ увидѣли, что знаменитая дрезденская резолюція имѣетъ шансы быть принятой большинствомъ представленныхъ на конгрессѣ націй, они попытались заранѣе ослабить вѣсъ амстердамскаго приговора. Нашъ бельгійскій товарищъ воскликнулъ: „Неужели такія страны, какъ Россія, Польша, Испанія, Болгарія и Японія будутъ указывать путь европейскому пролетаріату“?

Мы, представители перечисленныхъ Анселемъ націй, протестовали противъ странной его выходки, а на слѣдующій день, когда собиравшееся международное соціалистическое бюро на свое засѣданіе, я, разговаривая съ представителями другихъ странъ объ этомъ непріятномъ эпизодѣ, сказалъ имъ: „Движеніе російскаго пролетаріата уже теперь имѣетъ для европейскаго прогресса несравненно

большее значеніе, чѣмъ тѣ ковриги хлѣба и тѣ картошки, которыми тов. Ансель, въ своемъ увлеченіи кооперативами, собирается бомбардировать капиталистическое общество“.

Событія послѣднихъ двухъ недѣль показали, что я не ошибался. Я вспомнилъ объ этомъ происшествіи не затѣмъ, чтобы лишь разъ напомнить о безтактности, сдѣланной тов. Анселемъ, хотя безтактность эта заслуживаетъ всякаго осужденія. Я вспомнилъ о ней потому, что нынѣшнее въ высшей степени сочувственное отношеніе международнаго пролетаріата къ рабочему классу нашей страны объясняетъ намъ происхожденіе той психологической почвы, на которой вырастали сужденія, подобныя вышеприведенному сужденію Анселя. Этотъ товарищъ хотѣлъ отвести Россію, потому что онъ не имѣлъ понятія о ростѣ російскаго рабочаго движенія, а онъ не имѣлъ понятія объ этомъ движеніи, потому что, благодаря царизму, Россія и все, что въ ней совершалось, было скрыто китайской стѣною отъ глазъ цивилизованнаго міра. На одномъ изъ митинговъ, которые устраивались въ Амстердамѣ во время международнаго конгресса, я сказалъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ: „Еслибы я сталъ увѣрять васъ въ томъ, что бѣлые медвѣди Ледовитаго океана основали профессиональный союзъ для защиты своихъ интересовъ, то вы отнеслись бы къ этому съ меньшимъ скептицизмомъ, чѣмъ къ извѣстію о томъ, что въ Россіи происходитъ теперь могучее рабочее движеніе. Вамъ всѣмъ кажется, что рабочее движеніе въ нашей странѣ совершенно немыслимо, а между тѣмъ оно существуетъ, оно растетъ съ каждымъ днемъ, въ лицѣ своего рабочаго класса Россія входитъ въ великую семью цивилизованныхъ народовъ, и, — какъ знать! — можетъ быть не далеко то время, когда мы созовемъ международный социалистическій конгрессъ въ Москвѣ или Петербургѣ“. Мои слушатели выразили мнѣ свое одобреніе, но я думаю, что немногіе изъ нихъ отнеслись къ моимъ словамъ съ полнымъ довѣріемъ. Многіе и многіе западно-европейскіе социалисты тогда также мало вѣрили въ российское рабочее движеніе, какъ и тов. Ансель. Теперь въ него вѣрятъ всѣ: и друзья, и враги, потому что теперь въ него нельзя не вѣрить, потому что теперь нашъ пролетаріатъ передъ глазами всего цивилизованнаго міра обнаружилъ свою огромную силу, и хотя я еще не знаю скоро ли намъ удастся созвать социалистическій конгрессъ въ Петербургѣ, но я не сомнѣваюсь, — и никто не можетъ сомнѣваться въ этомъ, — что въ лицѣ нашего пролетаріата наша страна въ самомъ дѣлѣ вошла въ семью цивилизованныхъ народовъ.

Повторяю, событія послѣднихъ дней представляютъ собою великую побѣду нашего рабочаго класса и мы имѣемъ вполне законное право радоваться этой побѣдѣ, такъ какъ надломлено, наконецъ, то ярмо, которое давно уже изранило наши плечи. Но мы не имѣемъ права забывать, мы обязаны помнить, что ярмо еще только надломилось, и что слуги реакціи скоро вырвутъ изъ рукъ пролетаріата плоды его первой побѣды, если за нею не послѣдуютъ новыя и еще болѣе рѣшительныя пораженія царизма. Еще Лассаль спрашивалъ: что хотя слуги реакціи не крас-обай, но умѣютъ ведливо говорить: что хотя слуги реакціи не крас-обай, но умѣютъ стоять на своемъ. Наша реакціонная камарилья теперь растерялась, но ея первый испугъ скоро пройдетъ, и она снова примется ковать козни противъ свободы. Всѣ мы, всѣ тѣ, которымъ дороги интересы этой свободы, должны теперь же позаботиться о томъ, чтобы какъ можно скорѣе расширить и на всегда упрочить ея завоеванія.

Иллюзіи опаснѣе для насъ теперь чѣмъ когда бы то ни было. Мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который является чѣмъ то въ родѣ хитроумнаго Улисса царизма. Онъ завоевалъ сердце Николая II тѣмъ, что отбоярился отъ уплаты контрибуціи японцамъ. Теперь ему поручили вести дипломатическіе переговоры съ революціей для того, чтобы довести до минимума ту контрибуцію, которую долженъ будетъ заплатить ей нашъ самодержецъ. Графъ Витте надѣется, какъ видно, на удачу, и онъ составилъ недурной планъ; но русская революція не поддается на его хитрости, и если Николай II не заплатитъ ей огромной контрибуціи, то развѣ лишь потому, что убѣжитъ за границу. Но такой побѣгъ былъ бы величайшимъ торжествомъ революціи, потому что онъ былъ бы равносильнъ крушенію царскаго трона.

Въ чемъ же состоитъ планъ хитроумнаго графа? Опытный и умный министръ сказалъ всероссійскому самодержцу: „Не бойтесь политической свободы, она не приведетъ къ революціи, а предупредитъ ее, потому что революція не въ интересахъ общества и потому что, добившись политическихъ правъ, общество заключитъ съ нами союзъ противъ революціонеровъ“. И въ этихъ словахъ заключается очень большая доля истины.

Наше общество, — т. е. наша буржуазія т. е. наши буржуа въ собственномъ смыслѣ этого слова и наши обуржуазившіеся помѣщики, эти дворяне въ мѣщанствѣ, — хочетъ политической свободы, но не хочетъ революціи и очень многимъ пожертвуетъ для того, чтобы избѣжать ея.

Въ послѣднее время, по поводу Государственной Думы, у насъ много кричали о какой то измѣнѣ буржуазіи. Но чему собственно могла измѣнить буржуазія? Во всякомъ случаѣ не революціи, потому что она никогда не служила революціонной идеѣ. Что наша буржуазія не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія становиться въ ряды революціонной арміи, въ этомъ должны были убѣдить насъ уже теоретическіе подвиги ея идеологовъ modern style, направлявшихъ главныя свои умственные усилія на то, чтобы убѣдить читающую публику въ несостоятельности самаго понятія: революція. Въ доказательство достаточно сослаться на русскія и нѣмецкія статьи нынѣшняго редактора „Освобожденія“ Петра Струве. Правда, этотъ либеральный мыслитель сокрушалъ собственно понятіе: социалистическая революція. Правда и то, что не всякій врагъ социалистической революціи долженъ быть врагомъ всякой революціи вообще. Но г. Струве и ему подобные философствующіе публицисты такъ старательно доказывали преимущество мирнаго развитія, они такъ аккурратно и умѣренно критиковали существующій у насъ порядокъ вещей, что самъ Плеве, даже въ самыя мрачныя свои минуты, врядъ ли относилъ ихъ къ числу революціонеровъ. Наша буржуазія уже достаточно созрѣла для того, чтобы не уживаться съ царизмомъ. Поэтому смѣшно было думать, что она удовольствуется Булыгинской думой, оставляющей неприкосновенными рѣшительно всѣ прерогативы царской власти. Но въ то же время она боится революціи, которая непременно выдвинула бы на первый планъ нашей исторической сцены пролетаріатъ и крестьянство. Поэтому она съ радостью пойдетъ на встрѣчу тѣмъ уступкамъ, которыми манитъ ее теперь нашъ новый графъ. Съ этой стороны весь вопросъ заключается въ томъ, въ какой мѣрѣ г. Витте въ состояніи будетъ выполнить данныя имъ обѣщанія. А на этотъ вопросъ ихъ превосходительства генераль Тре-

повъ въ Петербургъ и генераль Каульбарсъ въ Одессѣ отвѣчаютъ очень недвусмысленно: мы сдѣлаемъ все, отъ насъ зависящее, для того, чтобы онъ не смогъ выполнить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ эта странная двойственность: г. Витте даритъ намъ „всѣ свободы“,*) а гг. Треповъ и Каульбарсъ, да и не только Треповъ и Каульбарсъ, а первый встрѣчный приставъ, первый встрѣчный казакскій эсaulъ, разстрѣливаютъ манифестантовъ и нападаютъ на „жидовъ“ безъ всякаго повода? Эта двойственность означаетъ то, что влияние Витте далеко не всемогуще, что оно въ значительной степени ослабляется влияніемъ реакціонной придворной клики. Но чѣмъ болѣе ослабляется влияние г. Витте, тѣмъ болѣе уменьшаются шансы осуществленія его хитроумнаго плана. Чтобы буржуазія заключила миръ съ Николаемъ II, необходимо, чтобы нашъ политическій порядокъ хоть отчасти, хоть наполовину былъ приведенъ въ соответствие съ нашими экономическими отношеніями, которыя характеризуются господствомъ капитала. Капиталъ — оппортунистъ по самому существу своему. Онъ ни копѣйки не истратитъ для торжества идеи; онъ презираетъ даже своихъ собственныхъ идеологовъ, — и ихъ-то, можетъ быть, больше, чѣмъ всѣхъ другихъ, — но онъ хорошо понимаетъ свои собственные выгоды, очень онъ хорошо знаетъ, что царское самодержавіе стоитъ теперь поперекъ дороги всему экономическому развитію Россіи и тѣмъ противорѣчитъ самымъ важнымъ его экономическимъ интересамъ. Поэтому онъ не можетъ не добиваться политическихъ правъ, и пока гг. Треповы будутъ мѣшать осуществленію плана г. Витте, до тѣхъ поръ наша буржуазія останется недовольной. Это надо помнить намъ въ своей тактикѣ. Политическое недовольство нашей буржуазіи въ высшей степени выгодно для дѣла россійской революціи, и мы сдѣлали бы огромную ошибку, если бы не использовали его цѣликомъ.

Конечно, по поводу этого моего заключенія меня самого можно упрекнуть въ оппортунизмъ и на меня можно обрушиться съ цѣлымъ ворохомъ революціонныхъ фразъ. Но не всякій тотъ, кто говоритъ: „Господи, господа“, внидетъ въ царствіе небесное, и не всякій тотъ, кто кричитъ: „революція, революція!“ оказываетъ услугу революціонному дѣлу. Въ семидесятыхъ годахъ Энгельсъ, разбирая одно воззваніе французскихъ бланкистовъ, настойчиво предостерегалъ своихъ послѣдователей отъ увлеченія революціонной фразой, изображая подобное увлеченіе достойнымъ однихъ только анархистовъ, которые по части революціонной фразеологіи давно уже совершили, — замѣтилъ онъ, — все человѣчески возможное. Въ настоящую минуту, въ моментъ перваго опыненія нашей первой большой побѣдой, намъ особенно слѣдуетъ помнить это ѣдкое замѣчаніе нашего учителя. Соціалъдемократу стыдно поддаваться революціонной фразѣ. Соціалъдемократъ стоитъ на точкѣ зрѣнія матеріалистическаго объясненія исторіи.

Съ точки зрѣнія матеріалистическаго объясненія исторіи ходъ и исходъ всякой данной политической борьбы опредѣляется соотношеніемъ общественныхъ силъ, въ свою очередь, основывающимся на соотношеніи общественно-классовыхъ интересовъ.

Соотношеніе интересовъ мы прежде всего должны имѣть въ виду.

Если оно таково, что, пользуясь имъ, мы способствуемъ развѣдиненію тѣхъ общественныхъ силъ, которыя могли бы объединиться для борьбы съ нами, то мы исполняемъ свою прямую обя-

занность революціонеровъ, и кто вздумаетъ обвинить насъ въ „политиканствѣ“, тотъ докажетъ только, что онъ совсѣмъ не проникся духомъ нашего ученія.

Salus revolutiae suprema lex, говорилъ я на второмъ съѣздѣ нашей партіи. Salus revolutiae suprema lex повторю я теперь въ виду того что происходитъ въ Россіи. А для успѣха революціи намъ нужно умѣть воспользоваться всѣмъ тѣмъ неудовольствіемъ, которое будетъ вызываться въ средѣ буржуазіи реакціонными происками придворной камарильи, реакціонными звѣрствами Треповской кампаніи. Чѣмъ лучше воспользуемся мы этими происками, тѣмъ болѣе помѣшаемъ мы осуществленію хитраго плана г. Витте и тѣмъ труднѣе будетъ почтенному графу отвергнуться отъ уплаты контрибуціи свободѣ.

Очень возможно, что мои слова удивятъ нѣкоторыхъ, пожалуй, даже многихъ моихъ товарищей. По вопросу объ отношеніи къ либеральной буржуазіи у насъ распространенъ теперь тотъ странный взглядъ, что это отношеніе должно быть безусловно и во всякомъ случаѣ отрицательнымъ. Но это большая ошибка, которую полезно отмѣтить здѣсь же. Основатели научнаго социализма, — Марксъ и Энгельсъ никогда не одобряли такого отношенія. За это ручается та страница „Манифеста Коммунистической Партіи“, гдѣ они клеймятъ неумѣстныя выходки тогдашнихъ „истинныхъ“ нѣмецкихъ социалистовъ противъ либеральной нѣмецкой буржуазіи. Эта страница имѣетъ такую огромную важность съ точки зрѣнія тактики, что въ настоящее время нашимъ товарищамъ слѣдовало бы выучить ее наизусть.

„Борьба нѣмецкой и особенно прусской буржуазіи противъ феодаловъ и королевскаго абсолютизма, — словомъ, либеральное движеніе, говорятъ авторы Манифеста, — приняла болѣе значительныя размѣры.“

— „Истинному“ социализму представился, такимъ образомъ, желанный случай противопоставить политическому движенію социалистическія требованія, расточать традиціонныя проклятія либерализму, представлять собою правленію, буржуазной конкуренціи, буржуазной свободѣ слова, буржуазному праву, буржуазной свободѣ и равенству, и проповѣдовать народной массѣ, что въ этомъ буржуазномъ движеніи она ничего не можетъ выиграть, но скорѣе рискуетъ потерять все. Нѣмецкій социализмъ весьма кстати забывалъ о томъ, что французская критика, неразумнымъ отголоскомъ которой онъ явился, имѣетъ въ виду современное буржуазное общество съ соответствующими ему экономическими отношеніями и политической организаціей, т. е., именно тѣ общественныя условія, о завоеваніи которыхъ только еще шла рѣчь въ Германіи.“

У насъ теперь рѣчь идетъ именно о томъ, чтобы завоевать тѣ общественныя условія, за которыя боролась Германія во время появленія „Манифеста Коммунистической Партіи“, и мы должны избѣгать ошибки сдѣланной въ то время „истинными“ нѣмецкими социалистами, такъ жестоко осмѣянными Марксомъ и Энгельсомъ.

Правда, мы поступаемъ не совсѣмъ такъ какъ они. Мы не проклинали буржуазной свободы; мы уже поняли, что буржуазная свобода необходима для дальнѣйшаго развитія рабочаго движенія. Но мы еще не поняли что, если буржуазная свобода необходима для дальнѣйшаго развитія рабочаго движенія, то либеральная оппозиція необходима для завоеванія буржуазной свободы. Поэтому,

*) Выраженіе газеты „Matin“.

мы пользуемся каждым удобным и даже, что гораздо хуже, каждым неудобным случаемъ для того, чтобы проклясть либераловъ. Мы называемъ это противопоставлять себя буржуазіи. Но вѣдь и нѣмецкіе истинные социалисты противопоставляли себя буржуазіи, однако Марксъ и Энгельсъ увидѣли себя вынужденными рѣзко осудить принятый ими способъ противопоставления. Почему же увидѣли? По той простой причинѣ, что тотъ способъ противопоставления, который практиковался „истинными“ нѣмецкими социалистами, вредилъ дѣлу завоеванія буржуазной политической свободы: „Нѣмецкимъ абсолютнымъ правительствомъ, со всей ихъ свитою поповъ, школьных учителей, помѣщиковъ и бюрократовъ, онъ служить очень удобнымъ пугаломъ противъ угрожающе выступившей буржуазіи“.

„Если „истинный“ социализмъ сталъ, такимъ образомъ, въ рукахъ правительства оружіемъ противъ нѣмецкой буржуазіи, то онъ служить въ то же время непосредственнымъ выраженіемъ реакціонныхъ интересовъ мелкаго нѣмецкаго мѣщанства“.

Ясно, что въ глазахъ Маркса и Энгельса хорошо было только такое противопоставленіе социализма либерализму, которое не укрѣпляло позиціи нѣмецкихъ абсолютныхъ правительствъ со всей ихъ консервативной и реакціонной свитой. А можемъ-ли мы утверждать, что нашъ способъ противопоставлять себя буржуазіи никогда не страдаетъ такимъ непростительнымъ недостаткомъ? Къ сожалѣнію, мы не можемъ утверждать это. Вотъ наглядный примѣръ.

Одинъ изъ нашихъ комитетовъ,—читатель понимаетъ, конечно, что называть его нельзя, да и не нужно,—одинъ изъ нашихъ комитетовъ, въ письмѣ ко мнѣ такъ изображаетъ печальное положеніе дѣлъ въ томъ захолустьи, гдѣ ему пришлось дѣйствовать.

„Вы, конечно, хорошо знаете, какъ тяжела теперь въ провинціи обстановка, при которой приходится работать намъ, социалъдемократамъ. Разнузданная реакція всѣми средствами стремится искоренить „крамольный“ духъ, проникшій во всѣ уголки Россіи. Атмосфера отравлена хулиганствомъ, погромами, ложью, распространяемой продажной прессой. Организованная „черная сотня“ буквально терроризируетъ населеніе. Хуже всего, разумѣется, въ мѣстностяхъ подобныхъ нашей, гдѣ нѣтъ пролетаріата крупно-промышленныхъ предприятий, а приходится вести работу среди ремесленниковъ—подмастерьевъ и рабочихъ въ портахъ. Тутъ уже и психологія не та, да и удаленность отъ крупныхъ центровъ заставляетъ пульсъ жизни биться медленнѣе. При такихъ условіяхъ постановка агитаціи представляетъ значительныя трудности... Приходится со стороны наблюдать, какъ слова: „долгой самодержавіе!“ вызываютъ взрывы ярости у пролетаріевъ, какъ листки рвутъ не читая. Хуже того: социалъдемократія въ глазахъ многихъ и многихъ рабочихъ—это партія политическая, но ничего общаго не имѣющая съ интересами рабочаго класса“.

Такое положеніе дѣлъ, безъ сомнѣнія, очень печально, и надо употребить всѣ усилія для того, чтобы его улучшить. Но какъ вы думаете, что сдѣлали наши мѣстные товарищи для того, чтобы сообщить мѣстному рабочему населенію правильный взглядъ на нашу партію? Бьюсь объ закладъ, что вы никогда не отгадаете. Слушайте же! Они воспользовались нѣкоторыми заѣпками, которыя были у нихъ въ мѣстной печати, и открыли энергичную кампанію противъ... либераловъ. Не правда-ли, это было какъ нельзя болѣе

кълессообразно? Уронивъ либераловъ въ глазахъ мѣстнаго рабочаго населенія, наши товарищи, вѣроятно, безъ боязни могутъ кричать теперь „долгой самодержавіе!“ Товарищи, придумавшіе этотъ удивительно кълессообразный способъ дѣйствій, вполне уподобились блаженной памяти истиннымъ социалистамъ Германіи, и къ нимъ вполне примѣнима данная въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи“ характеристика этихъ послѣднихъ. Я тѣмъ болѣе считаю себя обязаннымъ громко высказать это свое убѣжденіе, что указанные товарищи самымъ некорректнымъ образомъ принудили мое имя къ своей литературной кампаніи“.

„Народовольцы, которые были крайне энергичными революціонерами, старались убѣдить наше общество въ томъ, что „при современной постановкѣ партійныхъ задачъ“ интересы либераловъ сходятся съ интересами революціоннаго движенія*). Имъ очень не легко было это сдѣлать, потому что ихъ постановка партійныхъ задачъ рѣшительно противорѣчила этому утвержденію; вѣдь, по ихъ мнѣнію, отъ революціи, низвергающей нашъ царизмъ, слѣдовало „ждать“ (извѣстное выраженіе ихъ тогдашняго „теоретика“ г. И. Тихомирова): начала социалистической организаціи въ Россіи. Нечего и говорить о томъ, что такая „организація“ была совсѣмъ не въ интересахъ либераловъ. Правда, либералы все-таки до извѣстной степени сочувствовали „народовольцамъ“; но это происходило единственно потому, что народовольческія пророчества на счетъ социалистической организаціи казались имъ дѣтскою утопіей, не грозящей никакими серьезными опасностями буржуазному экономическому строю, на пользу котораго должно было послужить крушеніе нашего стараго политическаго порядка. А по скольку либералы брали въ серьезъ народовольческую программу, по столько они должны были приходиться къ тому убѣжденію, что ихъ интересы самымъ существеннымъ образомъ расходятся съ интересами революціонеровъ. Не такъ обстоитъ дѣло съ нашей программой. Никто изъ насъ не „ждетъ“, что революція, начинающаяся теперь въ Россіи, будетъ социалистической. Поэтому намъ легче осуществить то, къ чему стремились народовольцы, движимые вѣрнымъ революціоннымъ инстинктомъ, правильнымъ пониманіемъ нуждъ революціоннаго движенія.

На это въ высшей степени важное обстоятельство я указывалъ еще въ 1901 году въ статьѣ „Что же дальше?“, напечатанной во 2-3 книжкѣ „Зари“ съ согласія и съ одобренія всей нашей тогдашней редакціонной коллегіи**).

„Съ точки зрѣнія современнаго научнаго социализма, — говорилъ я тамъ, — всякіе толки о социалистическомъ переворотѣ, какъ о ближайшей цѣли революціоннаго движенія въ Россіи, представляются вполне и безусловно неосновательными. Ближайшей цѣлью революціоннаго движенія является низверженіе абсолютизма, которое, обезпечивъ русскому пролетаріату политическія права и политическую свободу, дастъ ему широкую возможность расти и зрѣть, развиваться и организовываться для социалистической революціи. Торжество социализма не можетъ

*) См. записку „Подготовительная работа Партіи“, напечатанную въ „Календарѣ Народной Воли“.

**) Статья эта была перепечатана въ тайной типографіи одного изъ мѣстныхъ русскіихъ комитетовъ.

совпасть съ крушеніемъ абсолютизма. Эти два момента по необходимости будутъ отдѣлены одинъ отъ другого значительнымъ промежутокъ времени. И именно потому, что они будутъ отдѣлены одинъ отъ другого во времени, соціалъдемократы, въ своей непримиримой борьбѣ съ абсолютизмомъ, могутъ съ полнымъ правомъ и ни мало не противорѣча себѣ, указывать всѣмъ, кому надлежитъ знать и понимать это, что ихъ интересы въ настоящее время совпадаютъ съ интересами свободомыслящей части нашего общества“.

„Либеральное общество, — продолжалъ я въ той же статьѣ, — если только оно дѣйствительно созрѣло для пониманія того соотношенія политическихъ силъ, которое существуетъ въ нашемъ отечествѣ, не можетъ требовать отъ насъ отказа отъ нашей конечной цѣли, потому что такой отказъ принесъ бы глубокий вредъ освободительному движенію. Оно должно понять и отчасти уже поняло, что будимое и развиваемое нами классовое самосознаніе рабочихъ представляетъ собою теперь вѣрнѣйшее средство созданія революціонной силы въ русскомъ народѣ и надежнѣйшій залогъ политическаго освобожденія Россіи. Оно должно понять и отчасти уже поняло, что каждый новый успѣхъ соціалъдемократической агитаціи въ рабочемъ классѣ будетъ равносильнъ новому пораженію царизма. Оно должно понять и, вѣроятно, отчасти уже поняло, что завоеваніе политической свободы принесло бы ему гораздо больше непосредственной пользы, чѣмъ рабочему классу, на который упала бы, однако, главная тяжесть борьбы. Наша конечная цѣль не оттолкнетъ отъ насъ передовыхъ элементовъ нашего общества, если только мы сумѣемъ хорошенько уяснить ему свою ближайшую политическую задачу. Явившись выручать студентовъ, атакованныхъ полиціей, рабочіе очень облегчили нашему обществу, правильное пониманіе этой нашей задачи*). Мы должны воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Теперь насъ хорошо поняли, можетъ быть, только нѣкоторые. Сдѣлаемъ такъ, чтобы насъ поняли всѣ. Тогда намъ, навѣрное, будутъ сочувствовать многие“.

Если теперь, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ того, какъ были написаны эти строки, мы спросимъ себя, многіе ли сочувствуютъ соціалъдемократіи въ нашемъ либеральномъ обществѣ, то мы вынуждены будемъ отвѣтить отрицательно: нѣтъ, не очень многіе. Почему такъ?

На это есть двѣ причины:

Во первыхъ, инстинктъ либераловъ и буржуазныхъ демократовъ, неизбѣжно вызывающій въ нихъ желаніе подчинить пролетаріатъ своему собственному влиянію, заставляетъ ихъ недоброжелательно относиться къ соціалъдемократамъ, являющихся естественными выразителями революціонныхъ стремленій пролетаріата.

Не рѣдко мы видимъ, что именно наиболѣе сознательные представители либерализма и буржуазной демократіи наиболѣе недоброжелательно относятся къ демократіи соціальной. Здѣсь можно сказать, что классовой предразсудокъ ослѣпляетъ этихъ людей и мѣшаетъ имъ слѣдовать указаніямъ правильнаго политическаго расчета. И какъ ни печально это явленіе, но

*) Рѣчь идетъ о московскихъ событіяхъ 11 (24) февраля 1901 г. въ Москвѣ, гдѣ рабочіе осаждали манежъ, желая выручить запертыхъ въ немъ студентовъ.

мы не можемъ устранить его по той простой причинѣ, что мы не можемъ покинуть соціалъдемократическую точку зрѣнія. Скажу больше. Съ этой стороны намъ и невозможно подходить къ его устраненію, потому что это именно та сторона, съ которой мы не можемъ не противопоставлять себя буржуазіи, съ которой мы должны противопоставлять себя ей подъ страхомъ постыдной измѣны самимъ себѣ. Когда представители буржуазіи стремятся наложить печать своихъ воззрѣній на воззрѣнія рабочихъ, мы должны разоблачать антипролетарскій и антиреволюціонный характеръ соціальной и политической идеологіи буржуазіи. Въ этомъ смыслѣ я, въ резолюціи, предложенной мною второму съѣзду нашей партіи и принятой имъ, рекомендовалъ нашимъ товарищамъ разоблачать передъ пролетаріатомъ истинный характеръ пропаганды г. П. Струве. Но для того, чтобы противопоставить себя буржуазіи съ этой стороны, надо развивать все вообще міросозерцаніе рабочаго; надо излагать передъ нимъ главнѣйшія положенія нашей теоріи, — словомъ, надо пускаться въ такую область, въ которую наши практики вообще пускаются весьма неохотно. Мы сами еще плохо усвоили себѣ основныя положенія нашей теоріи; мы сами еще не умѣемъ противопоставлять свою идеологію идеологіи буржуазіи. Доказательство на лицо: въ нашей средѣ до сихъ поръ подвизается, — принимая на себя самый революціонный видъ, — новая порода „критиковъ Маркса“: такъ называемые эмпириомонисты. Если бы слова: „противопоставленіе себя буржуазіи“ понимались нами въ ихъ серьезномъ значеніи, то это было бы совершенно немыслимо. Но въ томъ то и дѣло, что эти слова понимаются нами въ высшей степени поверхностно. Потому и происходитъ то совершенно непонятное на первый взглядъ явленіе, что наши товарищи, громче всѣхъ вопіющие противъ оппортунизма, заключаютъ практическій союзъ съ этими критиками Маркса, т. е. сами оказываются вредными оппортунистами. И потому же, что мы крайне поверхностно понимаемъ слова: „противопоставленіе себя буржуазіи“, мы отталкиваемъ отъ себя нашихъ либераловъ и нашихъ демократовъ тамъ, гдѣ въ интересахъ дѣла намъ слѣдовало бы привлекать ихъ къ себѣ.

Говоря это, я отмѣчаю вторую изъ тѣхъ причинъ, которыя мѣшаютъ либеральной и демократической буржуазіи проникнуться сочувствіемъ къ намъ, соціалъдемократамъ.

Вышеприведенный мною примѣръ одного изъ нашихъ захолустныхъ комитетовъ доказываетъ, что мы, въ своемъ стремленіи разбудить политическую мысль нашего рабочаго класса, далеко не всегда поступаемъ разумно и тактично. Обрушиться на либераловъ съ цѣлью поправить то печальное положеніе дѣлъ, благодаря которому рабочій готовъ разорвать человѣка, позволяющаго себѣ кричать: „долгой самодержавіе!“, это значитъ попасть, по народному выраженію, мимо Сидора въ стѣну. Ненавидящій буржуазію пролетаріатъ еще далеко не всегда выступаетъ врагомъ абсолютизма. Это, какъ видно, лучше насъ понимаетъ г. Витте, который въ своемъ извѣстномъ разговорѣ съ желѣзнодорожными рабочими и служащими старался натравить ихъ на либеральную буржуазію. Сколько разъ мы, по своей политической безтактности, попадали въ стѣну мимо ненавистнаго намъ „Сидора“! Но едва ли не самымъ выдающимся проявленіемъ изумительной нашей ловкости можетъ считаться тотъ фактъ, что наши представители покинули второй съѣздъ Всероссійскаго Союза Желѣзнодорожныхъ Рабочихъ, проис-

ходивші въ Москвѣ съ 23 по 25 іюля нынѣшняго года. Покинувъ этотъ сѣздъ изъ-за вопроса объ отдѣльныхъ представительныхъ собраніяхъ для окраинъ, россійскіе соціалъдемократы, — „меньшевики“ дѣйствовали въ этомъ случаѣ согласно съ „большевиками“, — достигли прямо-противоположнаго тому, чего они хотѣли избѣжать: они увеличили вліяніе буржуазной демократіи на рабочей классѣ. Надо надѣяться, что во время недавней желѣзнодорожной стачки они поняли свою ошибку и очень пожалѣли о ней*).

Такъ называемый нѣкоторыми третій сѣздъ нашей партіи, — на самомъ дѣлѣ, сѣздъ одной части этой партіи, — принялъ слѣдующую резолюцію „объ отношеніи къ либераламъ“:

„Принимая въ соображеніе

а) что соціалъдемократія должна поддерживать буржуазію, поскольку она является революціонной или только оппозиціонной въ своей борьбѣ съ царизмомъ;

б) что поэтому соціалъдемократія должна привѣтствовать пробужденіе политическаго сознанія русской буржуазіи; но что, съ другой стороны, она обязана разоблачать передъ пролетаріатомъ ограниченность и недостаточность освободительнаго движенія буржуазіи всюду, гдѣ бы ни проявлялась эта ограниченность и недостаточность,

III-й сѣздъ Р. С. Д. Р. П. настоятельно рекомендуетъ товарищамъ:

1) разъяснять рабочимъ антиреволюціонный и противпролетарскій характеръ буржуазно-демократическаго направленія во всѣхъ его отбѣнкахъ, начиная отъ умѣренно-либеральнаго, представляемаго широкими слоями землевладѣльцевъ и фабрикантовъ, и кончая болѣе радикальнымъ, представляемымъ Союзомъ Освобожденія и многочисленными группами лицъ свободныхъ профессій.

2) энергично бороться въ силу изложеннаго противъ всякихъ попытокъ буржуазной демократіи взять въ свои руки рабочее движеніе и выступать отъ имени пролетаріата или отдѣльныхъ группъ его“.

Что мы всѣми силами, — но, конечно, употребляя въ дѣло корректные приемы, — должны возставать противъ всякихъ попытокъ крупной или мелкой буржуазіи подчинить пролетаріатъ своему вліянію, это не подлежитъ и не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію: мы не были бы социалистами, если бы мы думали иначе. Если я осудилъ нашихъ московскихъ товарищей, покинувшихъ іюльскій желѣзнодорожный сѣздъ, то именно потому, что ихъ мнѣя непримиримость должна была расчислить путь для вліянія радикальной буржуазіи на рабочихъ. Но правильность этого вывода не исправляетъ односторонности того вывода, который ему предшествуетъ въ резолюціи.

*) Когда я слѣлалъ этотъ упрекъ нашимъ товарищамъ на собраніи русской колоніи въ Бернѣ, то булдишъ Т-нъ попытался поймать меня на противорѣчіи. „Вы признаете право окраинъ на отдѣльное представительство, — сказалъ онъ, — потому что вы признаете самоопредѣленіе націй. А между тѣмъ вы противъ сременія Бунда поддерживать культурную автономію евреевъ“. Недостатокъ времени не позволялъ мнѣ подробно стѣбать тов. Т-ну. Этотъ товарищъ признаетъ право націй на самоопредѣленіе. А между тѣмъ овъ противъ сціонизма, который является однимъ изъ видовъ самоопредѣленія. Это противорѣчіе, изъ котораго необходимо выпутаться тов. Т-ну прежде чѣмъ обвинять меня въ противорѣчіи!

Ясный смыслъ предшествующаго вывода тотъ, что все буржуазно-демократическое „направленіе“ имѣетъ антиреволюціонный и антипролетарскій характеръ. Но если это такъ, то почему же мы должны привѣтствовать, — какъ это говоритъ та же резолюція выше, — пробужденіе политическаго сознанія русской буржуазіи? И почему мы должны поддерживать эту буржуазію? Правда, поддерживая ее резолюція рекомендуетъ намъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой она является революціонной. Но вѣдь даже революціонное движеніе буржуазіи не можетъ не быть антипролетарскимъ, а слѣдовательно и антиреволюціоннымъ въ томъ смыслѣ, какой имѣютъ эти слова въ резолюціи. Вѣдь не можетъ же буржуазное революціонное движеніе стать пролетарскимъ революціоннымъ движеніемъ. Значитъ одно изъ двухъ: или мы, — вопреки Манифесту Коммунистической Партіи, — вообще не должны поддерживать революціонную „или только оппозиціонную буржуазію“, или же мы должны поддерживать ее, несмотря на ея антипролетарскій и антиреволюціонный характеръ. Гдѣ же истина? Во всякомъ случаѣ не въ разбираемой мною резолюціи, потому что эта послѣдняя, — повтория заученныя, но плохо переваренныя ея авторами фразы, — только запутываетъ дѣло.

Мнѣ могутъ сказать, что резолюція, предложенная мною второму сѣзду и принятая имъ, похожа на резолюцію, принятую такъ называемымъ третьимъ сѣздомъ и неодобряемую мною. Вѣншнее сходство дѣйствительно есть, но только вѣншнее. Моя резолюція не имѣла общаго характера; она не давала общей „директивы“; она направлялась специально противъ г. П. Струве, который еще недавно фигурировалъ въ качествѣ марксиста, и буржуазная проповѣдь котораго могла быть принята нѣкоторыми неопытными пролетаріями за проповѣдь умѣреннаго соціалъдемократическаго направленія*). При томъ же моя резолюція дополнялась резолюціей Старовѣра, которую такъ называемый третій сѣздъ просто на просто „отмѣнилъ“.

Чтобы найти истину, возьмемъ наглядный примѣръ.

Въ № 10637 „Новаго Времени“ (отъ 14/27 октября 1905 г.) я напелъ слѣдующую телеграмму:

„САРАТОВЪ, 13 октября. (СПА). Подробности вчерашняго инцидента. Вчера при возвращеніи съ митинга, бывшаго за городомъ, произошло столкновеніе между казаками и толпой. Выстрѣлами изъ толпы ранены двѣ лошади. При этомъ арестовано двѣсти человекъ, отправленныхъ во вторую часть, изъ нихъ 170 человекъ были сейчасъ освобождены, но при выходѣ изъ части подвергались на дворѣ и на улицѣ избіенію со стороны казаковъ. Когда дума въ полномъ составѣ явилась во вторую часть, тамъ оказалось только тридцать человекъ арестованныхъ, которые показали, что ихъ не били, но избивали освобождаемыхъ. Полиціимейстеръ обѣщалъ дать думѣ списокъ освобожденныхъ для разслѣдованія. Вернувшись въ засѣданіе, дума постановила: 1) избрать комиссію для разслѣдованія этого печальнаго случая, 2) возбудить ходатайство о немедленномъ удаленіи казаковъ изъ Саратова, какъ способствующихъ вызову безпорядковъ, 3) прекратить квартирное довольствіе казаковъ отъ города, 4) обратиться съ телеграфнымъ запросомъ почему, въ Саратовѣ не разрѣшаютъ собраній въ городѣ, когда повсемѣстно та-

*) Моя резолюція была не болѣе какъ эпилогомъ къ моимъ статьямъ въ „Зарѣ“, направленнымъ противъ г. П. Струве.

ковыя устраняются и 5) избрать комитетъ для завѣдыванія всѣми дѣлами, вытекающими изъ настоящаго положенія. Въ комитетъ вошли всѣ гласные“.

Я спрашиваю, какой характеръ имѣютъ перечисленные здѣсь дѣйствія саратовской думы? Можно ли назвать ихъ антиреволюционными и антипролетарскими? И должны ли мы поддерживать подобныя дѣйствія?

Очевидно, что въ этихъ дѣйствіяхъ думы не было ничего антиреволюціоннаго и антипролетарскаго. Напротивъ, дѣйствія эти были полезны революціонному пролетариату. Стало быть, мы обязаны, въ интересахъ собственнаго дѣла, не только поддерживать, но по возможности вызывать подобныя дѣйствія. Это ясно.

Но, съ другой стороны, эти дѣйствія саратовской думы вовсе еще не показываютъ, что она стоитъ на пролетарской или хотя-бы только на революціонной точкѣ зрѣнія. Это тоже ясно. Это тоже не нуждается въ доказательствахъ. Либерализмъ саратовской думы до сихъ поръ отличался такой преувеличенной скромностью, что очень походилъ на консерватизмъ. И ея настроеніе ужъ навѣрное было антипролетарскимъ. Но это обстоятельство не помѣшало ей предпринять рядъ такихъ дѣйствій, которые были полезны революціонному пролетариату и которые мы обязаны были поддерживать всѣми зависѣвшими отъ насъ средствами.

Изъ этого слѣдуетъ тотъ неоспоримый и очень важный для нашей практической дѣятельности выводъ, что, несмотря на свою антипролетарскую и антиреволюціонную точку зрѣнія, либеральная буржуазія можетъ, своей оппозиціей правительству, принести пользу революціонному пролетариату и что, вѣдѣствіе этого, мы поступили бы вопреки прямому и очевидному интересу революціи, если бы разъ навсегда повернулись спиною къ этой буржуазіи, сказавъ себѣ и другимъ, что отъ нея рѣшительно нечего ждать теперь для дѣла свободы.

На дняхъ, на одномъ собраніи мнѣ сдѣлали, въ видѣ вопроса, слѣдующее возраженіе: но кто же за кѣмъ долженъ идти: буржуазія за пролетариатомъ, или пролетариатъ за буржуазіей?

Лицо, сдѣлавшее мнѣ это возраженіе, показало, что оно не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о научномъ социализмѣ.

Если бы мы сказали пролетариату: „иди за буржуазіей“, то мы этимъ подписали бы смертный приговоръ социалъдемократіи. Социалъдемократія можетъ существовать только тогда, когда пролетариатъ не желаетъ идти за буржуазіей.

Если бы мы сказали буржуазіи: „иди за пролетариатомъ“, то нашъ голосъ навѣрно остался бы голосомъ человѣка, вопіющаго въ пустынь, и при томъ такого человѣка, который вопіетъ, какъ говорителъ, зря, т. е., безъ всякаго толку. Буржуазія не можетъ пойти за пролетариатомъ, не подписавъ самой себѣ смертнаго приговора, на что у нея, разумѣется, нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшаго желанія.

Вмѣсто того, чтобы убивать самихъ себя или приглашать къ самоубійству буржуазію, мы должны выяснять и напоминать этой послѣдней, что она сама заинтересована въ паденіи абсолютизма и что, поэтому она должна поддерживать революціонныя усилія про-

летариата, поскольку они направляются противъ существующаго у насъ политическаго порядка.

Какъ это сдѣлать? Потрудитесь вдуматься въ смыслъ слѣдующаго воззванія напечатаннаго въ № 2 „Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ“.

„Ко всѣмъ хозяевамъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Вся Россія бастуетъ. Забастовали адвокаты, врачи, чиновники, банковые служащіе, семинаристы, гимназисты. Вся Россія бастуетъ. Она бастуетъ противъ самодержавія, противъ бюрократіи, противъ рабства въ которомъ такъ долго царь и шайка придворныхъ держали русскій народъ. Теперь настаетъ часъ расплаты. Народъ освобождается отъ вѣковаго ига. Хозяева! И на васъ самодержавный царь не разъ накладывалъ свою тяжелую лапу. Васъ грабила полиція, разорялъ неправдивый судъ; обдирали высшіе чиновники. Хозяева! Если вы хотите лучшей жизни, если вы хотите перестать быть рабами и сдѣлаться людьми и гражданами, вы должны присоединиться къ всеобщей всероссійской забастовкѣ. Лучше немного потерпѣть, чѣмъ всю жизнь терпѣть гнѣть и униженіе. Поддерживайте же борцовъ за свободу и счастье всего народа, присоединяйтесь къ намъ, закрывайте фабрики, заводы, магазины и всѣ торговопромышленныя заведенія.“

„Если вы не согласитесь на это, вы пойдете противъ всего народа и тогда васъ не защититъ никакая полиція, никакія войска. Самодержавіе, которое не могло спасти себя, не спасетъ и васъ отъ народной мести. Забастовка должна быть всеобщей во что бы то ни стало, поэтому общій рабочій совѣтъ постановилъ потребовать отъ васъ немедленнаго закрытія всѣхъ торгово-промышленныхъ заведеній. Если вы не исполните этого требованія ваши магазины будутъ разбиты, ваши машины уничтожены.“

„Закрывайте же фабрики, заводы, магазины. Закрывайте немедленно, закрывайте, пока не поздно, пока вы не сдѣлались жертвами народнаго гнѣва“.

Здѣсь есть угроза объ умѣстности которой я въ данномъ случаѣ судить не берусь. Можетъ быть, и нельзя было обойтись безъ нея. Но несомнѣнно, что въ общемъ лучше мстить, чѣмъ грозить местию, которой что нибудь можетъ вѣдь и помѣшать. Но напоминаніе о тяжелой лапѣ самодержавія и о полицейскихъ грабжахъ, указаніе на то, что побѣда пролетариата сдѣлается людьми и гражданами самихъ хозяевъ, должны быть признаны вполне умѣстными и удачными. Я думаю, что это напоминаніе и это указаніе не прошли безъ слѣда. Именно въ такомъ тонѣ мы должны говорить съ буржуазіей, если не хотимъ уподобиться „истиннымъ“ германскимъ социалистамъ, такъ не кетати вздумавшимъ „проклинать“ буржуазію.

Такой тонъ нуженъ намъ особенно теперь, когда организованные полиціей систематическіе и колоссальные разбои въ свою очередь напомнили нашимъ либераламъ, что царскимъ слугамъ вѣрить нельзя и что даже тѣ жалкія уступки, которыя сдѣлаетъ Витте, завтра же могутъ быть взяты назадъ Треповымъ или любымъ другимъ сторонникомъ ничѣмъ не прикрытаго самодержавія.

Въ этомъ смыслѣ колоссальные полицейскіе разбои — „погромы“ сильно повредили плану Витте, а вмѣстѣ съ нимъ и интересамъ царствующей у насъ династіи. Намъ надо воспользоваться этой гнусной

ошибкой реакціонной камариллы, а не поправлять ее безтактными выходками противъ либеральной буржуазіи.

У насъ много говорятъ теперь о вооруженномъ возстаніи. Но для успѣха вооруженнаго возстанія необходимо то, что на языкѣ предержащихъ властей называется деморализаціей войска. А что бы „деморализовать“ войско, необходимо имѣть хоть часть офицеровъ на своей сторонѣ. А чтобы имѣть ихъ на своей сторонѣ, необходимо, чтобы вооруженному возстанію сочувствовало „общество“, къ которому принадлежатъ также и офицеры. Вотъ почему всякая безтактная, — а слѣдовательно и ненужная, — выходка, уменьшающая сочувствіе общества „крайнимъ партіямъ“, въ то же самое время уменьшаетъ шансы успѣха вооруженнаго возстанія. Не мѣшаетъ запомнить это. А что въ настоящее время? Но само собою разумѣется, что tempora mutantur. Намъ капитализмъ уже настолько развитъ теперь, что наша буржуазія ни за что не помирится съ самодержавіемъ. Этому ей не позволятъ ея самые насущные экономическіе интересы. Царь долженъ будетъ подѣлиться съ ней властью. Теперь она еще не вѣрится, — и не имѣетъ основанія вѣрить, — въ искренность царскихъ уступокъ. Но если она увидитъ, что царь въ самомъ дѣлѣ рѣшился пойти на уступки, то она сдѣлается уступчивой съ своей стороны, и тогда уже намъ нечего будетъ рассчитывать даже и на слабое ея сочувствіе. Тогда она сама будетъ требовать водворенія порядка. Это тоже нужно знать, это нужно предвидѣть и этимъ не надо ему поддаваться.

Если бы на томъ основаніи, что буржуазія станетъ современнымъ консервативной, мы отказались бы воспользоваться въ интересахъ политической свободы ея нынѣшнимъ оппозиціоннымъ настроеніемъ, то этимъ мы только показали бы, что мы въ своей политикѣ держимся такого „субъективнаго метода“, который совершенно недостоенъ марксистовъ. То обстоятельство, что современное оппозиціонное настроеніе буржуазіи въ будущемъ, можетъ быть, недалекомъ, уступить мѣсто консервативному настроенію, ни коимъ образомъ не должно мѣшать намъ использовать его въ настоящую минуту.

„Но это оппортинизмъ“, скажетъ иной товарищъ. Почему же оппортинизмъ? спрошу я его. И что такое оппортинизмъ? Прежде чѣмъ употреблять это слово, слѣдовало бы понять его значеніе.

Значеніе это можно выяснитъ на примѣрѣ типичнаго и несомнѣннаго оппортиниста Бернштейна. „Для меня движеніе все, конечная цѣль ничто“, сказалъ онъ. Это значитъ, что ради временныхъ, минутныхъ интересовъ движенія онъ готовъ быть приноситъ въ жертву все его существенное содержаніе. И мы можемъ сказать, что оппортинизмъ есть тотъ, кто жертвуетъ существеннымъ содержаніемъ, конечной цѣлью движенія ради его минутныхъ успѣховъ. Но есть-ли хоть слабый признакъ такого „дѣянія“ въ томъ, что я рекомендую своимъ товарищамъ? Развѣ пострададетъ въ своемъ существенномъ содержаніи наше рабочее движеніе отъ того, что его руководители используютъ для его успѣха разладъ буржуазіи съ царизмомъ? Предлагаемая мною тактика очень значительно увеличиваетъ силу нашего движенія, а увеличеніе его силы будетъ способствовать росту классового самосознанія пролетаріата, а въ ростѣ классового самосознанія пролетаріата именно и заключается все существенное содержаніе его движенія. Стало быть,

нечего и повторять вздорныя возраженія, подсказываемыя простымъ непониманіемъ марксизма.

Повторяю, то обстоятельство, что буржуазія успокоится, получивъ нѣкоторыя, — необходимыя и достаточныя для нея, — уступки, не должно смущать насъ ни въ коемъ случаѣ. Мы пользуемся ея оппозиціоннымъ настроеніемъ, потому что это полезно и нужно для революціоннаго дѣла. Когда это настроеніе исчезнетъ, мы, разумеется, перестанемъ пользоваться имъ, — на нѣтъ и суда нѣтъ, — но все даетъ основаніе думать, что тогда на смѣну буржуазіи на историческую сцену выйдетъ другой дѣятель, уже теперь довольно громко дающій знать о своемъ приближеніи: крестьянство.

Намъ, социалъдемократамъ, охотно приписывали и, кажется, до сихъ поръ приписываютъ намѣреніе выварить крестьянина „въ фабричномъ котлѣ“; но это чистая напраслина. Мы считаемъ себя обязанными поддерживать всякое революціонное и оппозиціонное движеніе, направляющееся противъ существующаго порядка. Изъ всѣхъ классовъ нынѣшняго общества только революціонный пролетаріатъ способенъ оказать серьезную поддержку крестьянину, возставшему для того, чтобы своимъ топоромъ разрубить Гордіевъ узелъ нынѣшняго нашего аграрнаго вопроса*). Своевременно примѣненная желѣзнодорожная стачка могла бы обезпечить удачный исходъ массоваго крестьянскаго возстанія. Переходъ помѣщичьихъ земель въ руки крестьянъ вовсе не сдѣлаетъ этихъ послѣднихъ социалистами, какъ на это надѣются социалисты-утописты, но онъ сдѣлаетъ ихъ рѣшительными революціонерами. А этого достаточно для того, чтобы мы не опасались за судьбу русской революціи. Революціонному пролетаріату, поддерживаемому революціоннымъ крестьянствомъ и имѣющему въ основаніи рассчитывать на поддержку международнаго пролетаріата, не страшны будутъ ни „внутренніе“ враги, ни внѣшніе, ни доморожденные контръ-революціонеры, ни германскій императоръ, что то ужъ очень сочувствующій теперь своему несчастному русскому „кузэну“!

На крестьянство намъ надо теперь же обратить усиленное вниманіе. Крестьянство составляетъ чрезвычайно сильный резервъ русской революціи, и было бы противно всѣмъ требованіямъ военнаго искусства, если бы мы не позаботились о томъ, чтобы установить постоянныя сообщенія между этимъ резервомъ и главными силами революціонной арміи, т. е. пролетаріатомъ.

Но въ крестьянствѣ, очевидно, не могутъ быть примѣнимы тѣ тактическіе приемы, которые многимъ изъ насъ кажутся вполне цѣлесообразными въ городѣ. Допустимъ, что тактика бойкота Государственной Думы, еще такъ недавно вызывавшая между нами такіе горячіе споры, была, на самомъ дѣлѣ, наилучшей тактикой при данномъ настроеніи городовъ. Но по отношенію къ деревнѣ это допущеніе очевидно невозможно. Всякій понимаетъ, что при своей страшной политической неразвитости крестьянство совершенно неспособно было бы понять идею бойкота, и всякій долженъ понять

*) Говорю *мыслимъ*, такъ какъ переходъ помѣщичьихъ земель въ руки крестьянства отнюдь не предупредилъ бы возникновенія у насъ того аграрнаго вопроса, съ различными разновидностями котораго неизбѣжно приходится считаться западнымъ капиталистическимъ обществомъ. Свой взглядъ на крестьянскій вопросъ я изложилъ въ № 1 „Дневника“, въ статьѣ: „Мужики бунтуютъ“.

также, что при умѣломъ воздѣйствіи на ходъ волостныхъ выборовъ мы могли бы вызвать цѣлый рядъ такихъ столкновений крестьянъ съ администраціей, которая въ короткое время создала бы сознательную оппозицію въ деревнѣ. Этого одного было бы достаточно для того, чтобы отказаться отъ бойкота. А кромѣ того надо помнить, что выборная агитація въ деревнѣ выдвинула бы на сцену аграрный вопросъ, обостреніе котораго сразу придало бы революціонный оборотъ всему дѣлу. Если ужъ дорожить громкимъ словомъ бойкотъ, то можно сказать, что лучшимъ средствомъ бойкотировать идею Булыгинской думы было бы составленіе крестьянскихъ наказовъ, говорящихъ выборщикамъ, чтобы они выбирали только такихъ людей, которые согласились бы на передачу земли въ руки народа и на созваніе Учредительнаго Собранія, имѣющаго задачу урегулировать и узаконить эту передачу. Отъ такого „бойкота“ Булыгинская дума разлетѣлась бы въ щепки, между тѣмъ какъ еслибы мы захотѣли разгонять собранія крестьянскихъ выборщиковъ, то отъ этого произошло бы только умноженіе черныхъ сотенъ. Наша партія хорошо сдѣлаетъ, если приметъ во вниманіе это соображеніе при неизбѣжномъ, — вслѣдствіе измѣненія избирательнаго закона, — новомъ обсужденіи вопроса о нашемъ участіи въ выборной агитаціи.

Обращеніе къ крестьянству сдѣлалось необходимымъ для насъ, между прочимъ, и благодаря просекамъ контръ-революціонной партіи, снѣгающейся привлечь народъ на свою сторону. До сихъ поръ главное ядро контръ-революціоннаго „народа“ составляли знаменитые хулиганы, братски объединившіеся съ городскими, сыщиками и прочей „казенной“ братіей. Газеты на дняхъ сообщали, что въ Петербургѣ однимъ изъ предводителей черной сотни выступилъ какой-то статскій совѣтникъ, сопутствуемый какими-то прилично одѣтыми господами въ цилиндрахъ. До всей этой приличности и не прилично одѣтой сволочи намъ, разумѣется, нѣтъ никакого дѣла. По отношенію къ нимъ мы можемъ признавать только одинъ примѣтъ: терроръ. Но за хулиганами, шпионами и „господами въ цилиндрахъ“, къ сожалѣнію, идутъ многіе представители темныхъ слоевъ народной массы. Такъ, напримѣръ, „Приволжскій Край“ прямо говоритъ, что въ толпѣ, громившей революціонеровъ послѣ опубликованія манифеста 17-го октября было много чернорабочихъ. Чернорабочіе должны быть съ нами; имъ въ черныхъ сотняхъ не мѣсто; они попали туда только въ силу печальнаго историческаго недоразумѣнія. Это недоразумѣніе необходимо разсѣять. Но при его разсѣяніи надо помнить, что очень и очень часто чернорабочій есть человѣкъ, еще не успѣвшій проникнуться современными пролетарскими стремленіями, раздѣляющій всѣ предразсудки крестьянства, но за то и страдающій всѣми его страданіями. Такой человѣкъ готовъ бить бунтовщиковъ и въ то же время, онъ самъ готовъ взбунтоваться изъ за земли*). Убѣдите его въ томъ, что переходу земли въ распоряженіе народа противится не тѣ бунтовщики, которыхъ онъ избиваетъ, а то правительство, которое его направляетъ на бунтовщиковъ и онъ самъ съ неудержимой энергіей станетъ разгонять черныя сотни. И чѣмъ болѣе идеи революціи будутъ проникать въ деревни, чѣмъ болѣе будетъ она ас-

* Не даромъ одно изъ черносотенныхъ воззваній, перепечатанное въ № 1 „Новой жизни“, направляетъ толпу не только на „жидовъ“, но также и на „пановъ“. Кстати, въ этой прокламаціи есть одинъ вѣсомыиный полонизмъ! „такой Витте“. Вѣроятно, ее писала „тѣнь Булгарина“.

социроваться тамъ съ идеей земельного передѣла, тѣмъ меньше будетъ черно-рабочихъ въ рядахъ шаекъ бьющихъ „жидовъ и студентовъ“.

Но само собою разумѣется, что обращаясь къ низшимъ слоямъ населенія, надо развѣ навсегда оставить нашъ безобразный интеллигентскій стиль, напичканный иностранными словами, ссылками на всякія „эволюціи“ (капитализма, и прочее) и безконечными придаточными предложениями. Такого слога не пойметъ ни чернорабочій, ни крестьянинъ. Съ ними надо говорить тѣмъ простымъ, но прекраснымъ языкомъ „московскихъ просфиренъ“, учиться которому намъ совѣтовалъ еще великій стилистъ А. С. Пушкинъ *).

Борьба съ черными сотнями дѣлаетъ вопросъ о вооруженіи однимъ изъ самыхъ насущныхъ практическихъ вопросовъ. И не только о вооруженіи.

Недостаточно приобрести револьверы или кинжалы, надо еще научиться владѣть ими. Революціонеры семидесятыхъ годовъ были большими мастерами въ этомъ отношеніи и нашимъ товарищамъ еще очень далеко до нихъ. Намъ необходимо какъ можно скорѣе пополнить этотъ пробѣлъ своего революціоннаго образованія. Умѣніе хорошо владѣть оружіемъ должно стать въ нашей средѣ предметомъ законной гордости со стороны тѣхъ, которые имъ обладаютъ и предметомъ зависти со стороны тѣхъ, которые его еще не достигли. Въ виду неслыханныхъ звѣрствъ совершаемыхъ контръ-революціонерами, мы въ свою очередь должны быть готовы на все. Конечно кровопролитіе не можетъ быть привлекательно ни для кого, кромѣ озвѣрѣвшихъ и опьянѣвшихъ гориллъ изъ черныхъ сотенъ; но оно начато не нами и еще покойный П. Л. Лавровъ справедливо сказалъ обращаясь къ русскому революціонеру:

Не ты виной, когда въ бою

Кровь неповинная прольется!

Безъ жертвъ, безъ крови, безъ борьбы

Народамъ счастье не дается.

Но чѣмъ лучше мы будемъ вооружены, и чѣмъ болѣе мы будемъ готовы дать энергичный, беспощадный, если нужно, даже же-

* Эти строки были уже написаны, когда я прочиталъ въ № 10642 „Новаго Времени“ слѣдующее извѣстіе:

„Въ предѣлахъ московской губ. проявляется недоброжелательное отношеніе къ нѣкоторымъ земскимъ учителямъ и земскимъ врачамъ, устраивающимъ митинги, говорящимъ крестьянамъ рѣчи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, учительскій и врачевскій персоналы уже фактически пострадали“.

Крестьяне вербуютъ въ черную сотню. Но съ этимъ можно бороться. Нужно сказать, читаемъ мы въ томъ же номерѣ, что это явленіе не повсемѣстное: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наоборотъ: крестьяне обращаются къ учителямъ и къ врачамъ съ просьбой разяснить имъ манифестъ*. Вотъ гутто и надо выставить аграрный вопросъ и поставить требованіе земли въ связь съ требованіемъ созыва Учредительнаго Собранія. Какой острый характеръ принимаетъ это требованіе, видно изъ слѣдующей телеграммы, напечатанной въ томъ же № „Новаго Времени“.

САРАТОВЪ, 25 октября. (РА). По словамъ „Саратовскаго Листка“ въ Аткарскомъ уѣздѣ въ минувшей недѣлѣ разграблено крестьянами болѣе 20 усадебъ землевладѣльцевъ. Ночью взломанъ пороховой складъ; похищено три пуда пороха. Преступники скрылись.

Крестьяне вооружаются. Подстрекательства черной сотни разобьются о требованіе земли. Ceci tuera cela.

стокий отпоръ чернымъ сотнямъ, тѣмъ болѣе обязательнымъ становится для насъ тактичное поведеніе, какъ во время нашихъ собственныхъ демонстрацій, такъ во время демонстрацій нашихъ монархистовъ. Телеграммы разсылаемые агенствами по всему міру, увѣряютъ, что во многихъ случаяхъ революціонеры первые начинали стрѣлять въ демонстрантовъ противнаго образа мыслей, тѣмъ вызвали озлобленіе въ народѣ. Разумѣется, это злая клевета на революціонеровъ. Но если бы это была правда, то пришлось бы сказать, что мы сами страшно вредимъ своему собственному дѣлу. Подобные промахи несравненно опаснѣе для насъ чѣмъ всѣ полицейскія козни. Вѣдь монархическія манифестаціи, вызванныя опубликованіемъ манифеста 17-го октября, не рѣдко были въ то же время манифестаціями въ честь конституціи. Манифестировавшее населеніе было, повидимому, настроено приблизительно такъ, какъ не одинъ разъ настраивалось парижское населеніе, уже послѣ взятія Бастиліи, при каждой уступкѣ со стороны Людовика XVI. Такому населенію не внушишь республиканскихъ стремленій никакими рѣзкими выходками, и никакими революционными рѣчами. Надо постепенно подготовить его къ усвоенію республиканскихъ взглядовъ посредствомъ ряда столкновеній съ той самой монархіей, которую оно пока еще готово поддерживать. Именно такъ поступали французскіе якобинцы, эти несравненные мастера революціонной тактики. Намъ надо слѣдовать ихъ примѣру, а не возстановлять противъ себя монархистовъ-конституціоналистовъ.

Конечно, мы переживаемъ такое время, когда, по извѣстному французскому выраженію, ружья, а слѣдовательно и револьверы сами стрѣляютъ, но именно въ такое время, самопроизвольная стрѣльба ружей (и револьверовъ) можетъ стать прямо гибельной для нашего дѣла. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ въ Петербургѣ очень хорошо понималъ это. Въ одной изъ статей, напечатанныхъ въ его извѣстіяхъ, мы читаемъ:

„О товарищи! Г. Витте знаетъ что пролетаріатъ и пробудившееся крестьянство, воспользуются каждой уступкой правительства, чтобы выйти на улицу и предъявить свои требованія. Но онъ знаетъ также, что народъ въ массѣ еще не успѣлъ организовать, не успѣлъ вооружиться, что уличные митинги демонстраціи еще безпорядочны, что неорганизованная толпа легко переходитъ отъ героизма къ трусости. Вы сами знаете, что многіе пугаются одного возгласа: казаки! и разбѣгаются въ разныя стороны. Знаетъ это и Витте, знаетъ онъ также, что плохо организованная толпа легко возбуждается, что каждую минуту среди нея могутъ найтись отдѣльные лица и группы, готовые пойти на вызовъ и безъ крайней нужды, начать борьбу съ черной сотней, съ полиціей и т. д. Знаетъ онъ все это и спѣшитъ, торопится вызвать народъ на улицу и кинуть его въ безпорядки, чтобы теперь же, пока народъ не организованъ и не вооруженъ, разстрѣлять его. Моментъ для Витте чрезвычайно „удобный“!

Это несправедливо по отношенію къ Витте. Вызывать народъ на улицу теперь врядъ-ли въ его интересахъ. Но это справедливо въ примѣненіи къ той реакціонной камарильѣ, главнымъ представителемъ которой въ администраціи былъ до сихъ поръ Треповъ, которая совсѣмъ не думала сдаваться и которая какъ нельзя болѣе рада была бы выступленію народа на „улицу“. Вотъ почему говорить о вооруженномъ возстаніи нужно теперь гораздо разсудительнѣе, чѣмъ это дѣлаютъ многіе изъ нашихъ товарищей. Что вели-

кіе историческіе вопросы разрѣшаются въ концѣ концовъ только огнемъ и мечемъ, что пролетаріату, не только русскому но и западно-европейскому, нельзя будетъ обойтись безъ „критики посредствомъ оружія, это я доказывалъ еще въ предисловіи ко второму изданію моего перевода Манифеста Коммунистической Партіи, вышедшему въ томъ 1900 года. Но вооруженное возстаніе дѣло не шуточное, отъ него зависитъ вся дальнѣйшая судьба движенія, и потому легкомысленная болтовня о немъ составляетъ настоящее преступленіе передъ революціоннымъ пролетаріатомъ. Между тѣмъ нѣкоторые наши товарищи обнаруживаютъ въ этомъ случаѣ почти невѣроятное легкомысліе. Ихъ головы превратились въ своего рода „органчики“, наигрывающіе одну только арію вооруженнаго возстанія. Въ этомъ возстаніи для нихъ заключается альфа, и омега всей тактической мудрости. Но именно благодаря этому ихъ тактическая мудрость становится тактическимъ безумствомъ.

До какой степени легкомысленно нѣкоторые болтаютъ у насъ теперь о вооруженномъ возстаніи, показываетъ примѣръ нѣкого г. Г. Воинова.

На такъ называемомъ третьемъ съѣздѣ нашей Партіи, бывшемъ на самомъ дѣлѣ съѣздомъ только одной половины ея, этотъ „товарищъ“ между прочимъ сказалъ:

„Я полагаю не лишнимъ познакомить съѣздъ съ мнѣніемъ о вооруженномъ возстаніи нашего великаго учителя Карла Маркса. Вотъ маленькая историческая справка на этотъ счетъ (цитирую книгу Маркса: „Революція и контръ-революція“): „Возстаніе есть искусство совершенно такое же, какъ военное или всякое другое. Это искусство, по примѣру прочихъ, имѣетъ свои правила, которыми ни одна партія не можетъ пренебрегать безнаказанно... Прежде всего никогда нельзя играть въ возстаніе, если не рѣшились идти на всѣ его послѣдствія“ и т. д. *) Послѣдующее для насъ не важно. Я считаю себя обязаннымъ только указать на то, что г. Воиновъ неправильно цитируетъ „своего“ великаго учителя Карла Маркса, міросозерцаніе котораго онъ, между прочимъ, отвергаетъ въ одной изъ его самыхъ важныхъ частей (хорошъ ученикъ!): У Маркса первое правило науки возстанія гласитъ въ англійскомъ подлинникѣ такъ: „Firstly never play with insurrection unless you are fully prepared to face the consequences of your play**“. Это значитъ: во-первыхъ никогда не играйте съ возстаніемъ, прежде чѣмъ вы не приготовились къ тому, чтобы справиться со всеми послѣдствіями вашей игры. Въ русскомъ переводѣ, изданномъ Е. М. Алексѣевой, это выходитъ почти буквально такъ: „Во-первыхъ, не затѣвайте возстанія, пока вы не подготовитесь вполне справиться съ послѣдствіями вашей затѣи“. (стр. 98). Но у г. Воинова вышло, какъ мы видимъ, совсѣмъ иначе. У Маркса рѣчь идетъ объ объективной готовности къ возстанію. Въ переводѣ г. Воинова говорится лишь о субъективной готовности идти до конца. Я не удивляюсь тому, что г. Воиновъ плохо понималъ своего „великаго учителя“. Но я не понимаю, какъ это на съѣздѣ не нашлось ни одного человѣка, который захотѣлъ бы или сумѣлъ бы поправить г. Воинова. Очевидно, никто изъ присутствовавшихъ тамъ товарищей не имѣлъ понятія объ

*) Третій очередной съѣздъ, Женева, 1905, стр. 88.

**) Revolution and contre-revolution of Germany in 1848 by Karl Marx edited of Eleanor Marx Aveling. London, 1896 p. 120.

нетинномъ взглядѣ Маркса на вооруженное возстаніе. А между тѣмъ всѣ они были марксисты и всѣ толковали о вооруженномъ возстаніи... по Марксу. Это было бы очень смѣшно, если бы не было такъ грустно.

Дѣло не въ томъ рѣшились или не рѣшились мы довести возстаніе до конца, а въ томъ, готовы ли къ нему рабочей классъ. Вотъ что на самомъ дѣлѣ говоритъ нашъ великій учитель. Люди, собиравшіеся на третій съездъ, не знали этого. Поэтому у нихъ и до сихъ поръ сохранился самый легкомысленный взглядъ на вооруженное возстаніе. И этотъ легкомысленный взглядъ лежитъ въ основѣ ихъ тактики. Это уже не смѣхъ, а горе!

Эти люди воображаютъ себя крайними революціонерами на томъ основаніи, что они „рѣшились“ безъ конца говорить о возстаніи. Но если стѣны іерихонскія пали по милости Іеговы отъ трубнаго звука, то наша монархія не падетъ отъ революціонной фразы. Прежде чѣмъ начинать возстаніе, нужно къ нему подготовиться.

Наканунѣ войны 1870 г. во Франціи маршалъ Лебефъ легкомысленно твердилъ: „Nous sommes prêts, archiprêts; quand la guerre devra durer un an, il ne nous manquera pas un bouton de guêtre“ (Мы готовы, вполне готовы; если бы война должна затянуться на цѣлый годъ, то у насъ и тогда было бы на лицо все до послѣдней пуговицы на солдатской гамашѣ). Этотъ маршалъ, навѣрное, считалъ себя большимъ патриотомъ и чрезвычайно рѣшительнымъ полководцемъ. А въ Германіи въ то же время систематически готовился къ войнѣ фельдмаршалъ Мольтке, неизмѣннымъ правиломъ котораго было: erst wägen, dann wagen (сначала взвѣсить, потомъ отважиться). Кто лучше служилъ своему дѣлу? Кто лучше понималъ его? Кто побѣдилъ?

Еще разъ: прежде, чѣмъ начинать вооруженное возстаніе, нужно къ нему подготовиться. А чтобы подготовиться къ нему, нужно, между прочимъ, исполнить постановленіе международнаго Амстердамскаго конгресса, нужно объединиться. Во второмъ № своего Дневника, я рекомендовалъ враждующимъ между собой братьямъ войти во взаимную федеративную связь. Недавнія событія заставили ихъ поступить именно такъ, установивъ „федеративный совѣтъ“. Это было ужъ большимъ шагомъ впередъ; но этого недостаточно. Отъ федерации надо идти къ полному объединенію. Когда рабочія организациі объявляютъ о своемъ присоединеніи къ единой россійской социальдемократической рабочей партіи, то какъ вы думаете, что собственно онѣ имѣютъ въ виду: большинство, или меньшинство?

Ни то, ни другое. Онѣ имѣютъ въ виду именно единую россійскую социальдемократію.

Старыя ненавистныя распри отжили свой вѣкъ. Наступаетъ пора совместной положительной работы.

Такъ, называемые большевики говорятъ: какъ же могутъ объединиться двѣ фракціи нашей партіи, когда одна изъ нихъ признаетъ, а другая отрицаетъ участіе во временномъ правительствѣ?

Отвѣчаю: съ точки зрѣнія принципа стремленія къ участію во временномъ правительствѣ есть несомнѣнно промахъ, оппортунизмъ на революціонной подкладкѣ. Оппортунизмъ — грѣхъ. Но вѣдь этотъ грѣхъ относится къ будущему времени. Онъ неизвѣстенъ когда совершится. Неизвѣстно даже совершится ли онъ когда-нибудь. Во-первыхъ, нашихъ товарищей „болшеви́ковъ“ могутъ не принять во временное правительство. Во-вторыхъ, неизвѣстно будетъ ли

существовать само это правительство. Вѣдь вонъ Великая Французская Революція совсѣмъ обошлась безъ него. Что если обойдется безъ него и Великая Россійская Революція? Вѣдь тогда выйдетъ, что нашему объединенію воспрепятствовала простая гипотеза.

Нѣтъ, товарищи! Зачѣмъ говорить пустяки и зачѣмъ изъ за пустяковъ вредить общему дѣлу? Въ нашей странѣ, какъ и во всякой другой, должна быть одна социальдемократическая партія, какъ есть въ ней одинъ пролетаріатъ!

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

„Погромы“.

Наше христіанское правительство натравливаетъ въ Россіи и въ Польшѣ христіанъ противъ евреевъ, а на Кавказѣ мусульманъ противъ христіанъ-армянъ. Излишне распространяться о томъ, до какой степени гнусны подобныя натравливанія и до какой степени отвратительны тѣ кровавыя звѣрства, къ которымъ они приводятъ: мои читатели сами понимаютъ это; я пишу не для „черныхъ сотенъ“. Но есть въ послѣднихъ нашихъ погромахъ одна сторона, еще нуждающаяся въ освѣщеніи.

На собраніи русской колоніи въ Бернѣ, состоявшемся 13 ноября, въ café des Alpes нѣкоторые изъ присутствовавшихъ утверждали, что между „христіанами“, защищавшими въ Одессѣ евреевъ отъ пьяныхъ гориллъ, выдвинутыхъ полиціей, не было рабочихъ. Доказывали это утвержденіе ссылкой на корреспондента „Nene Fr. Presse“, который „ничего не говоритъ“ объ участіи рабочихъ въ борьбѣ съ погромщиками. Съ логической точки зрѣнія это, конечно, очень жалкое доказательство. Но разъ былъ выставленъ подобный упрекъ противъ русскаго („христіанскаго“) пролетаріата, его не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія. Въ интересахъ нашего дѣла я приглашаю моихъ товарищей. — все равно: „христіанъ“ или евреевъ, — лучше меня знающихъ фактическую сторону этого дѣла, высказаться о немъ въ печати. Кому же, какъ не намъ дорожить честью нашего пролетаріата?

На этомъ же собраніи была высказана также та мысль, что борьба съ громилами хорошо велась только тамъ, гдѣ были сильны національныя рабочія организациі. Я думаю что въ этомъ случаѣ имѣла значеніе сила организациі, а не ихъ принадлежность къ той или другой національности. Болѣе того. Есть основаніе думать, что, напримѣръ, въ Одессѣ мы были бы гораздо лучше подготовлены къ борьбѣ съ громилами, если бы идея еврейскаго націонализма меньше вліяла на тамошнее рабочее движеніе. Но объ этомъ я поговорю подробнѣе послѣ того, какъ товарищи-практики отвѣтятъ на вопросъ, который я имъ здѣсь ставлю: тогда у меня будетъ въ рукахъ больше данныхъ.

II.

„Новая жизнь“.

Объявленіе объ изданіи „Новой Жизни“, наводитъ на весьма поучительныя размышленія. Оно пестритъ именами людей, до сихъ поръ остававшихся чуждыми марксизму. Ленинъ тонетъ, какъ муха въ молоко, въ массѣ эмпирио-монистовъ и вполне законченныхъ декадентовъ. Г. Н. Минскій и г-жа Венгерова оказываются теперь нашими „товарищами“. Невольно спрашиваешь себя: а гдѣ же „товарищъ“ Волюнскій? Гдѣ „товарка“ З. Н. Гиппиусъ? Гдѣ „товарищи“, ютящіеся вокругъ „Скорпіона“?

Ленинъ не хотѣлъ работать вмѣстѣ съ П. Аксельродомъ, В. Засуличъ, Л. Мартовымъ и т. п. Эти люди были въ его глазахъ оппортунистами, а г. Минскій не оппортунистъ; г-жа З. Венгерова не оппортунистка. Пусть же читатель самъ судить теперь о томъ, къ чему сводится на самомъ дѣлѣ непримиримость Ленина. Теперь очевидно что въ ней нѣтъ и слѣда принципиальнаго отношенія къ дѣлу.

III.

Фемикъ-Паша.

Въ Константинополѣ совершенно было на дняхъ покушеніе на жизнь одного изъ самыхъ усердныхъ слугъ „краснаго султана“. Я охотно вѣрю тому, что покушеніе это имѣло свое вполне доста очное основаніе въ дѣятельности названнаго выше паши. Но какими блѣдными представляются подобныя покушенія въ виду той массовой борьбы за свободу, которую ведетъ теперь русскій пролетаріатъ! Какими жалкими кажутся намъ теперь тѣ страны, которыя могутъ противопоставить деспотизму только героизмъ отдѣльныхъ лицъ! Какъ счастлива Россія тѣмъ, что она уже переросла это жалкое, варварское состояніе!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

В—у (*Ник—у*). Письмо получилъ. Очень прошу завязать со мною прочныя сношенія.

Адресъ для сношеній съ редакторомъ „Дневника Соціалдемократа“:

Mr. Plekhanoff.

Rue de Candolle, 6, Genève.

ЦѢНА 50 Сант.